

ИНТЕРВЬЮ

«ПО НАШЕЙ ПУСТЫНЕ, ПО АЗИИ ПОЭЗИИ...»

Вальдемар Вебер живет в своем доме в Аугсбурге, в предгорьях Альп, в одном из самых старейших (с двухтысячелетней историей) городов на «романтической дороге Германии», в Баварии. Живописные берега рек Лех и Вертах, сливающихся вместе в нескольких шагах от его дома, отделяют поэта от шума городской суеты: ведь стихи удаются, если только они созданы при душевной ясности... 24 сентября известному поэту, переводчику и издателю Вальдемару Веберу исполнилось 70 лет.

Надежда Рунде

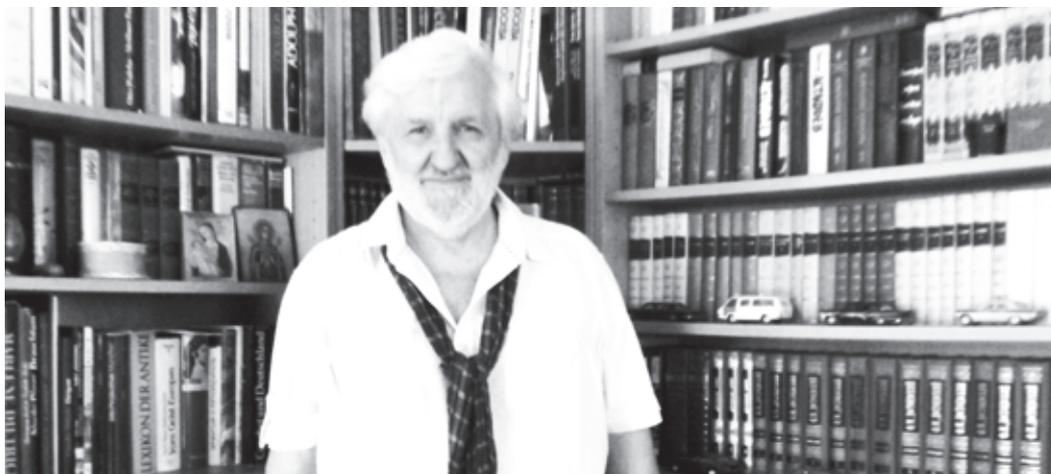
■ Германист, поэт, писатель, переводчик и издатель, пишущий на двух языках, он является известной фигурой в литературных кругах как России, так и Германии. В 2000 году основал в Аугсбурге собственное издательство Waldemar Weber Verlag с филиалом Verlag an der Wertach. Выпускает интересные книги и продвигает их на немецкий книжный рынок. Их замечают, о них пишут и говорят, их читают. И как издатель, и как писатель, он живет по принципу: «Поэту посредственных строчек вовек не простят ни люди, ни боги, ни книжные лавки». Двери этого дома открыты. Вальдемар любит и умеет общаться, как никто другой, восторженно, в едином сердцебиении объединяя талантливых людей. И счастлив тот, кто почувствовал на себе его магнетическую силу, неисчерпаемо множащую открытия имен, строчек, вдохновений. В канун юбилея Вальдемар Вениаминович с женой Татьяной и сыном Александром любезно приняли меня в своем царстве книг, и мы за чашкой чая поговорили о жизни, литературе, искусстве перевода и о проблемах современного литературного процесса. Это интервью мы предлагаем вниманию читателей.

- Вальдемар Вениаминович, вы 1944 года рождения. Могли бы о себе сказать «Я рос в особое время»? Как вас воспитывали?

- Любое время – особое. Я рос в конкретное время. Нашей немецкой семье после войны чудом удалось остаться в европейской части страны. Я рос во Владимирской области. Моя мама работала учительницей немецкого языка в вечерней школе. Отец – текстильный инженер, готовил в ФЗУ и техникуме специалистов для текстильного комбината. Хотя семье с 1948 года, как и всем немцам, предписывалось постоянно отмечаться в коммандатуре, были такие свободы, которые для немца, жившего на поселении, например, в Сибири, были немислимы. Можно было беспрепятственно ездить в Москву, находившуюся от нас на расстоянии 101 км. Отец часто возил меня в музеи и театры. Он любил захаживать в книжные магазины. У нас дома была хорошая библиотека. Да и в нашем городе было очень много интеллигенции, которой после сталинской отсидки не позволялось жить в столицах, и они проходили на 101 километре «временной карантин».

- Какой-то автор так сказал о братских отношениях: «Когда в детстве дракой заканчивался наш спор – это было завоевание территории, когда из-за тебя меня наказывали родители – это было возмездием, когда давал повод огорчиться – это делало меня сильнее. Словом, ты достойно подготовил меня ко взрослой жизни, брат... и я не знаю, что бы со мной было, не будь рядом тебя!»

- У меня было два брата, Генрих и Роберт. Первый был старше меня почти на десять лет, другой – почти на семь. Поэтому ситуаций, которые приводите вы, у меня в отношениях с братьями не возникало. Старших братьев боготворят, гордятся ими, подражают им. Генрих стал студентом, когда мне было семь лет, его приезды на каникулы были каждый раз праздником. Роберт тоже уехал

из дома, поступив в медицинский институт, когда мне было около тринадцати. Они ко мне относились как к младшему брату. Это отношение ко мне не менялось с годами. Это также как для матери дети любого возраста – дети.

- Повлиял ли на ваше творчество Роберт Вебер? Это не так часто бывает, когда в одной семье возникает сразу несколько литературных дарований.

- Как я уже сказал, мы жили во владимирском городке Карабаново, на 101 кило-

метре от Москвы. Тогда, в пятидесятые годы, там проживало много ссыльных, которым не позволяли жить в больших городах. Потом я никогда и нигде в такой концентрации не встречал столько необычных, нерядовых людей. Роберт вначале учился в Первом Медицинском институте в Москве. Приезжал на каникулы и на выходные домой, рассказывал о московской жизни. Я от него впервые услышал о Николае Заболоцком, Дмитрие Кедрине, Булате Окуджаве, Новелле Матвеевой. Роберт бросил медицинский на третьем курсе, уехал на год в Челябинск, а затем учился, как и я, в Московском институте на филологическом немецком факультете. Писал и по-немецки, и по-русски, на него повлияли, кроме русских поэтов, таких, как Кедрин и поздний Заболоцкий, прежде всего поэты из ГДР – Гюнтер Кунерт, Хайнц Калау. Роберт тогда близко дружил со

своим сокурсником, ныне покойным Юрием Стефановым (тоже оставившим медицинский), поэтом феноменального дарования, значение которого, как это часто бывает в России, осознаётся литературным миром только теперь, когда вышла, наконец, в значительном объеме его поэзия и проза. Стефанов оказал на Роберта большое влияние, хотя они и абсолютно разные. В Стефанове никогда не было восторженности, романтического оптимизма. Он – нищезанец. Между ними не было творческой дружбы, но Стефанов заразил Роберта литературой.

- Хотелось бы поговорить с вами о переводе поэзии и о переводчиках... Вы сами когда начали переводить и почему?

- С 1970-х до начала 90-х годов перевод был моей профессией. Произошло это довольно случайно. Могло бы и не произойти. Стихи мои не печатали по причине их, так сказать, «неоптимистического» содержания (посмотрите в моих книжках мои тексты, они все всегда с датами; насколько же я был наивен, принося эти тексты в советские редакции), а заниматься мне хотелось прежде всего литературой, немецкую поэзию я знал неплохо и постоянно ею интересовался, кое-что переводил, но лишь для себя. Профессионалом-переводчиком становиться не собирался. Но Евгений Витковский поверил в меня, увлек меня, предложил мне сотрудничать с ним, свел меня с редакторами различных издательств. Вначале я исполнял заказы издательств, потом стал предлагать им использовать мои знания в немецкой поэзии, составлял антологии и сборники.

- О каком переводчике вы могли бы сказать талантливый или гениальный переводчик?

- Ах, как я не люблю подобные эпитеты и как легко мы их раздаем. Из ушедших назвал бы Сергея Петрова, Аркадия Штейнберга, Анатолия Гелескула, Юрия Стефанова. Из живущих – Евгения Витковского, Романа Дубровкина, но я прерываю свое перечисление, пришлось бы очень многих, очень талантливых перечислять, наверняка, кого-нибудь несправедливо забуду.

- Кто ваши учителя в поэзии? Какими встречами и общением с какими писателями вы гордитесь?

- Те, с кем я лично общался в литературном мире, не обязательно были моими литературными учителями. Большого литературного круга в молодости, когда это очень важно, у меня не было и быть не могло. Я до 1990 года, то есть до последней стадии перестройки, не состоял в Союзе писателей СССР, состоял только в Профкоме литераторов при издательстве «Художественная литература».

Вальдемар с женой Татьяной и сыном Александром.

метре от Москвы. Тогда, в пятидесятые годы, там проживало много ссыльных, которым не позволяли жить в больших городах. Потом я никогда и нигде в такой концентрации не встречал столько необычных, нерядовых людей.

Роберт вначале учился в Первом Медицинском институте в Москве. Приезжал на каникулы и на выходные домой, рассказывал о московской жизни. Я от него впервые услышал о Николае Заболоцком, Дмитрие Кедрине, Булате Окуджаве, Новелле Матвеевой. Роберт бросил медицинский на третьем курсе, уехал на год в Челябинск, а затем учился, как и я, в Московском институте на филологическом немецком факультете. Писал и по-немецки, и по-русски, на него повлияли, кроме русских поэтов, таких, как Кедрин и поздний Заболоцкий, прежде всего поэты из ГДР – Гюнтер Кунерт, Хайнц Калау. Роберт тогда близко дружил со

То же самое я могу сказать и о себе, я ценю поэзию Роберта, особенно ту роль, которую он играл в послевоенной советско-немецкой литературе, но его влияние на меня было скорее информационного характера.

- Василь Быков сказал однажды: «Литература, как костер, должна давать тепло, светить и собирать людей. Если что-то одно отсутствует, – это уже не литература...» Что Вы считаете главной целью литературы?

- Вообще-то литература никому не должна. Она также ничем никому не обязана. Она, как и любое искусство, существует не для чего-то и не для кого-то, она явление нашего с вами мира, создающее свою собственную реальность. И творится она вовсе не с какой-то целью. Лишь когда произведение состоялось, тогда и стараются его применить к чему-то,

ИНТЕРВЬЮ

«ПО НАШЕЙ ПУСТЫНЕ, ПО АЗИИ ПОЭЗИИ...»

Это не влияло на мою переводческую деятельность, редакторам и издателям нужно было качество, а не книжка члена Союза. С 1977 года переводчиков в СП принимать практически перестали. Предписание это длилось вплоть до конца перестройки. В ЦДЛ я бывал редко, но это не значит, что я не общался лично с поэтами и прозаиками. Я посещал различные поэтические и переводческие семинары, которые вели Борис Слуцкий, Аркадий Штейнберг, Вильгельм Левик. Но в основном общался с авторами более близких мне по возрасту поколений. Перечисление их заняло бы не одну страницу. Хотел бы упомянуть трех выдающихся русских филологов, к дружескому совету которых постоянно обращался вплоть до самой их смерти и с которыми меня связывала глубокая творческая дружба, – Сергея Аверинцева, Александра Михайлова, Альберта Карельского.

Ну и, конечно, по роду моей переводческой профессии знал и знаю многих известных писателей и поэтов ФРГ и ГДР.

Но одно дело дружить по жизни с собратьями по перу, и совсем другое испытывать литературные влияния. Я воспринял скорее влияния немецкой поэзии XX века, впитавшей в себя не только свой собственный национальный опыт, но и веяния всей новой европейской поэзии.

- Были ли у вас какие-то забавные, комичные случаи, связанные с работой над переводами?

– Одно время я преподавал в Литинституте. Одна студентка прочла на семинаре по своей инициативе эссе о современной поэзии ГДР. Первокурсники, в отличие от нее, еще недостаточно владели немецким, и студентка цитировала стихи не только по-немецки, но и по-русски – в своих и чужих переводах. Как всегда, все высказывалось о качестве переводов. И я в том числе. Один перевод я особенно раскритиковал, на что обескураженная студентка воскликнула: «Вальдемар Вениаминович, как же так, это же ваш перевод!».

- Что больше всего мешает писать?

– Не будем говорить о жизненных обстоятельствах и искать оправдание своей неорганизованности. У пишущего вся жизнь подчинена формуле: «заработать на хлеб и ждать вдохновения». Но в современном мире писателю прежде всего мешает писать неустойчивость.

Вальдемар Вебер и Елена Зейферт.

Сегодня поэты, публикуя свои стихи, не уверены, что их вообще кто-нибудь заметит. При этом речь идет о поэтах признанных, известных. Все переместилось в Интернет, в электронные издания, тиражи книг падают, критики исчезли, потому что критику за его работу больше не платят. Все живут кругами по своим ЖЖ. Нет форума, нет выхода к читателю, нет его реакции и внимания. Это очень важно для пишущего. Такой ситуации еще не было в истории литературы.

- Кому первому вы показываете написанные тексты?

– Ну конечно же, моей жене Татьяне, с которой меня связывает вся сознательная прошлая и сегодняшняя жизнь. Мы познакомились, когда ей было семнадцать, а мне восемнадцать. Она с самого начала была очень строгим судьей. Показываю своему сыну Александру, который тоже всерьез пишет стихи. У меня были также старшие друзья, коллеги и просто друзья, любившие поэзию, им я мог позвонить в любое время дня и суток и прочитать написанное. К сожалению, все они уже ушли из жизни. Одним из таких друзей была Ольга Татарина, поэт, прозаик. Во втором номере журнала «Плавающий мост» (www.plavmost.org), который с недавнего времени выходит под крышей одного из двух наших издательств «Verlag an der Wertach», помещена ее ретроспективная подборка. Журнал можно заказать в интернет-магазине Ozon.ru.

- Какое свое литературное произведение вы считаете самым главным достижением?

– То, которое еще надеюсь создать.

- Сегодня нередко можно услышать: «Проживём и без книг... У человека есть потребности, которые невозможно отменить: поэтому мясник или, к примеру, обувных дел мастер никогда не останется без копейки. Что трудно сказать об издателе... Что вы об этом думаете?»

– Да, время и для издателей литературы, и для авторов наступило тяжелое. Высококачественная литература все больше исчезает с рынка и перемещается в Интернет. Пока еще настоящая литература жива. Но она все больше создается узким кругом энтузиастов, готовых писать стихи и прозу, не зарабатывая при этом ни копейки. Не думаю, что таким же образом будет продолжаться жизнь литературной критики, а без критики нет литературной жизни. Ничего нельзя сказать, какой будет литература, особенно поэзия, в последующие десятилетия, пока идет к тому, что Интернет всех поставил на один уровень, отменил, так сказать, сословия и классы. В издании

книг процветает практика публикаций за свой счет или за счет богатого спонсора. Ориентироваться читателю невозможно. Мне нравится одно стихотворение Вячеслава Куприянова, написанное уже давно, но, по-моему, очень прозорливо:

Из древности
к нам бредут
караваны горбатых верблюдов
с грузом насущных идей
мимо кактусов наших ушей
по нашей пустыне
по Азии
поэзии

- Обязательный вопрос о вашей литературной работе: что нового из поэзии и прозы прочтет читатель в ближайшее время? Как будут называться эти книги? О чем они?

– Я только что выпустил на русском языке новую поэтическую книгу «Продержаться до конца ноября» (ее можно заказать или в по адресу нашего издательства или в интернет-магазине Ozon.ru), готовлю новую книгу стихов на немецком, надеюсь что наконец-то выйдет моя книга прозы. Хотя все рассказы, входящие в нее, напечатаны в центральных российских журналах и их можно читать в Интернете на сайте «Журнальный зал», хотелось бы видеть их собранными в одну книгу. В последнее время опять вернулся к переводу. В следующую свою книгу стихотворений обязательно включу их.

- Спасибо за интервью! Поздравляем вас с юбилеем!

- пустыня – *Wüste, f*
- посредственный – *mittelmäßig*;
- durchschnittlich*
- творческий – *schöpferisch; kreativ*
- перевод – *Übersetzung, f*,
- Nachdichtung, f*
- заказ – *Bestellung, f, Auftrag, m*
- судья – *Richter, m*
- потребность – *Bedürfnis, n*
- прозорливый – *scharfsichtig*;
- scharfsinnig*
- древность – *Altertum, n*
- обязательный – *verbindlich, Pflicht-*

Вальдемар Вебер, литератор (поэзия, проза, публицистика, художественный перевод), издатель.

Родился в 1944 году в семье российских немцев в Западной Сибири. С 1962 г. жил в Москве. Окончил Московский Институт иностранных языков. Многие годы занимался изданием и переводом классической и современной поэзии, в основном с немецкого и нидерландского языков.

Переводил и издал поэзию и прозу из произведений следующих немецкоязычных писателей: H.C. Artmann, G.A. Buerger, W. Busch, G. Benn, B. Brecht, I. Bachmann, M. Claudius, J. von Eichendorff, E. Ehrenstein, G. Eich, P. Fleming, W. H. Fritz, A. Gryphius, J. Ch. Gunther, J. W. Goethe, F. Grillparzer, Y. Goll, J. G. von Herder, H. Heine, H. von Hoffmannsthal, G. Hauptmann, R. Huch, A. Holz, G. Kolmar, K. Krolow, L. M. Kaschnitz, G. Kunert, F. von Logau, G. E. Lessing, G. Ch. Lichtenberg, Meckel, F. Mayrocker, Novalis, M. Opitz, Ch. F. D. Schubart, F. W. Schelling, N. Sachs, W. D. Schnurre, G. Trakl, L. Uhland.

В 1990-1992 гг. – руководил семинаром поэтики и художественного перевода в Литературном институте им. Горького.

С 1992 по 2004 преподавал и участвовал в научных проектах в университетах Граца, Инсбрука, Вены, Маннгейма, Пассау.

С 1999 по 2004 руководил семинаром по русской литературе в университете Пассау.

В 1996-1998 гг. и 2008-2010 гг. – главный редактор «Немецкой-русской газеты» (Мюнхен-Аугсбург).

В 2000 году основал издательство Waldemar Weber Verlag.

С 1994 по 2002 год жил в Мюнхене. С 2002 года живет в Аугсбурге.

Пишет на русском и немецком. Печатался в немецкой и русскоязычной периодике в России, Австрии, Германии, Бельгии, Люксембурге, Румынии. Переводился на английский, болгарский, французский (в изд. «Les Amis du Roi des Aulnes» (Париж) и в Editions Phi – Op der Lay, Люксембург).

Автор книг: «Tränen sind Linsen. Gedichte und Essays», изд. «Радуга», Москва, 1992; «Тени на обоях. Стихи и переводы с немецкого», изд. «Вест-Вимо», Москва, 1995; «Черепки», изд. ЛИА Романа Элинина, Москва, 2000; «Scherben. Gedichte», Verlag an der Wertach, 2006; «Продержаться до конца ноября. Стихи разных лет», изд. «Русский Гулливер», 2014, Москва.

Русская проза В.Вебера в 2001-2013 гг. выходила в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Нева» и др.

Лауреат премий: Литературная премия министерства культуры герцогства Люксембург (1993); Литературная премия ПЕН-КЛУБА Лихтенштейна «Liechtensteinpreis – 2002» за книгу стихов «Scherben» на немецком языке; Лауреат Первой премии международного конкурса им. Анатолия Маковского 2002 (Кострома-Петербург) в номинации «Проза».

